

София
ВЕРЕТЕННИКОВА

Искусственного интеллекта не существует?

*Конец индивидуума. Путешествие философа
в страну искусственного интеллекта*

ГАСПАР КЁНИГ

М.: Individuum, 2023. – 352 с. – 3000 экз.

София Алексеевна
Веретенникова
(р. 2002) – политолог,
специалист по полити-
ческому маркетингу.

В мае 2023 года в Соединенных Штатах началась первая за пятнадцать лет забастовка Гильдии сценаристов. Причиной стачки в сфере, довольно редко подверженной трудовым конфликтам, стал страх изготовителей сценарных текстов остаться без работы из-за массового привлечения в их профессию искусственного интеллекта (ИИ). *ChatGPT*, релиз которого состоялся годом ранее, был тогда предметом горячих дискуссий, а перспектива замещения большого числа профессий ИИ сильно заботила людей интеллектуального труда. Периодические издания всего мира пестрели алармистскими заголовками. Пугали также и отчеты крупных аналитических центров, констатировавших, что экспансия ИИ изменит рынок труда, а крупные компании берут курс на сокращение персонала. В следующем году примеру писательского профсоюза последовала и американская Гильдия актеров, которая объявила бойкот компаниям-производителям компьютерных видеоигр, подписавшим между собой соглашение об интерак-

НОВЫЕ
КНИГИ

тивных медиа (Interactive Media Agreement). На сей раз возмущенные труженики требовали запретить использование ИИ при создании видеоигр. Перспективы воспроизведения искусственным интеллектом голоса того или иного артиста, а также создания его цифровой копии – причем не только без его согласия, но и без денежной компенсации – повергали членов профсоюза в ужас. Неудивительно, что новые веяния вызывали немалое возмущение и в научном сообществе. Одним из тех, кто достаточно громко высказался по этому поводу, стал молодой французский философ Гаспар Кёниг – личность загадочная и симптоматичная одновременно.

Автор рецензируемой книги родился в городе Нейи-сюр-Сен (это, кстати, родина Николя Саркози), в семье атеистов. Его мать была независимым журналистом – и именно ее фамилию позже взял себе сын. Отец Гаспара тоже зарабатывал на жизнь литературой: он долгое время трудился в журнале «Magazine Littéraire», а в 2004 году даже стал его главным редактором. По окончании престижного парижского лицея Генриха IV Кёниг поступил в Высшую нормальную школу в Лионе. Будучи студентом, он издал свой первый роман, за который в 2005 году в возрасте 23 лет получил ежегодную литературную премию Жана Фрестье¹. В свои сорок с небольшим он является автором полутора десятков произведений: среди них есть, в частности, книга о Мишеле Монтене, работая над которой, автор посетил все локации, так или иначе связанные с именем великого философа². При этом сферы, где он броско проявил себя, не ограничиваются исключительно литературой – например, безбожник Кёниг принял православие, чтобы жениться на своей избраннице-румынке. Среди прочего он стал основателем аналитического центра «GenerationLibre»³ и учредителем партии «Simple», выступающей против засилья бюрократии. Была и неудачная попытка баллотироваться в президенты. Кёниг ведет активную социальную жизнь, обходясь без социальных сетей. На сайте его аналитического центра страница, где должна представляться информация о нем, неизменно выдает «ошибку 404». Его же собственный сайт-визитка ограничивает личную информацию перечнем опубликованных книг⁴. Интересно, что «Конец индивидуума» – единственная работа Кёнига, посвященная ИИ.

В 1981-м, за год до рождения Кёнига, Совет Европы принял конвенцию, посвященную защите прав и свобод граждан при автоматической обработке их персональных данных⁵. Уже тог-

СОФИЯ ВЕРЕТЕННИКОВА

ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА
НЕ СУЩЕСТВУЕТ?

Путешествие философа в страну искусственного интеллекта

¹ Подробнее о премии см.: www.fondationdefrance.org/fr/annuaire-des-fondations/prix-jean-freustie.

² См.: KOENIG G. *Notre vagabonde liberte. A cheval sur les traces de Montaigne*. Paris: Humensis, 2021.

³ См.: www.generationlibre.eu/en.

⁴ См.: www.gaspardkoenig.com.

⁵ Конвенция Совета Европы о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера, Страсбург, 28 января 1981 года (<https://rm.coe.int/1680078c46>).

да для многих было очевидно, что технологии развиваются настолько быстро, что государства не успевают гарантировать своим гражданам-пользователям безопасность личных данных, которыми те щедро делятся. Детство и юность будущего писателя проходили под знаком нарастающего недоверия или даже враждебности к таинственному ИИ, что, вероятно, стало одной из причин, побудивших его к погружению в тему. На страницах книги автор подтверждает это, указывая на личный мотив предпринятых изысканий: «Я либерал и защищаю идею автономного индивида, свободного в своих решениях и ответственного за свои действия, то есть такого индивида, который должен применять свободу воли в той или иной ее форме» (с. 21). По мнению Кёнига, люди весьма поверхностно оценивают проблемы, связанные с массовым распространением ИИ: они опасаются потерять работу – вместо того, чтобы бояться потерять себя.

Встретившись с Ювалем Харари и зарядившись некоторыми его идеями, французский писатель за пару месяцев взял интервью у 125 профильных специалистов, объехав ради этого всю планету. В конечном счете, как сообщает он в книге, его осенило: возможно, стоит более тщательно присмотреться к китайскому подходу – тем более, что люди из Поднебесной показались французскому философу более открытыми и честными, чем их западные визави. В частности, Кёниг был поражен искренностью Чжу Мина – бывшего директора Центрального банка КНР, а в прошлом второго человека в МВФ – и одновременно разочарован лицемерием американских ИТ-гуру, которые, восхваляя новые технологии на публике, ограничивают своих детей в их использовании дома. Он также утверждает, что открытость и демократичность американской технологической элиты не более чем иллюзия, поскольку на деле этикет Кремниевой долины ничем не уступает этикету европейских королевских дворов (с. 16), а получить интервью у многих ее обитателей практически невозможно. Встреча с Аврелией Жан – инженером из Кремниевой долины – стала для французского философа настоящим культурным шоком:

«Для меня травмой было уже то, что на экране компьютера Аврелии я увидел не папки с файлами, а черное окно, заполненное каббалистическими знаками... Мы же профаны, подобные детям, которые, если надо выполнить какие-то арифметические операции, вынуждены прибавлять и вычитать куски пирога, – нам нужна определенная репрезентация» (с. 14).

Не менее удручающим для Кёнига стало признание его собеседницы в том, что большая часть предпринимателей и инвесторов, вкладывающихся в ИИ, не имеют ни малейшего по-

нения о социально-политическом влиянии создаваемых ими технологий (с. 18). Однако сказанное вовсе не означает, что западные ИТ-светилы совсем не читают классическую литературу. Увидев в кабинете Лесли Келблинг, специалистки по робототехнике и профессора Массачусетского технологического института, стопки книг по аналитической философии, автор заключает: «Вполне возможно, что неприятие европейцами аналитической философии в какой-то мере позволяет объяснить их инстинктивное недоверие к ИИ» (с. 21).

СОФИЯ ВЕРЕТЕННИКОВА
ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА
НЕ СУЩЕСТВУЕТ?

Люди весьма поверхностно оценивают проблемы, связанные с массовым распространением ИИ: они опасаются потерять работу – вместо того, чтобы бояться потерять себя.

Для самого Кёнига ИИ есть не просто промышленная технология, а большой философский проект, нацеленный на понимание мира. Вместе с тем, добавляет он, оценивая этот факт, полезно иметь в виду важную деталь: ИИ не наделен интеллектом, это алгоритм, а отсюда следует, что наша картина мира настраивается в соответствии с заданными кем-то параметрами. Осознание абсолютной неразумности ИИ, как полагает Кёниг, исключительно важно, оно позволило бы людям не задаваться бессмысленными вопросами и не питать глупых страхов из-за того, что технологии вот-вот отнимут у человека работу. В начале книги он называет ИИ «иллюзией», добавляя, что тот лишь делает вид, будто действительно что-то умеет. Например, чтобы научить его узнавать кота, потребуются миллионы изображений разных котов, маркированных людьми, и отнюдь не факт, что в итоге робот сумеет распознать пятнистого кота, изображения которого ему никогда не попадались (с. 37). При таком раскладе об «интеллектуальности» беспокоящего всех новшества говорить не приходится. Человеку же достаточно увидеть кота один-единственный раз, чтобы потом узнавать его всю оставшуюся жизнь. Причем тонкости когнитивных процессов, происходящих в человеческом мозге, по-прежнему остаются нераскрытыми. Не зная, как наш разум проводит анализ, мы вынуждены заставлять алгоритм симулировать мышление, не воспроизводя самого процесса (с. 44).

Да, существуют «умные» модели, которые успешно показывают себя на практике – например, они способны точнее, чем человек, ставить медицинский диагноз. Однако не будем забывать, что для разработки программы, обеспечивающей такой эффект, потребуются пятнадцать тысяч специалистов-медиков,

которым надо будет промаркировать больше миллиона изображений, чтобы «скормить» их алгоритму и научить его распознавать заболевание. Нужно ли удивляться, что пятнадцать тысяч медиков, потрудившихся сообща, оказываются лучше своих пятнадцати коллег, работающих поодиночке (с. 42)? Перспектива автоматизации большинства человеческих профессий сталкивается с парадоксом, который Кёниг назвал в честь венгерского экономиста и философа Карла Полаanyi. Его смысл в том, что непонимание человеком собственных когнитивных процессов задает четкие границы автоматизации: «Как инженеры могут запрограммировать компьютер, который моделировал бы процесс, неизвестный им самим во всех подробностях?» (с. 107). Иначе говоря, полная автоматизация в ближайшем будущем невозможна. Тем не менее по мере развития ИИ будет возникать все больше новых профессий, а старые профессии все чаще будут исчезать.

Десакрализация феномена ИИ не только поможет человеку решить свои экзистенциальные проблемы, но и заставит его пересмотреть отношение к роботам и голосовым ассистентам. Давно пора, заявляет автор, перестать видеть в них людей и, следовательно, прекратить вежливо с ними общаться:

«Разве мы говорим “пожалуйста” стиральной машине, автомобилю или программе обработки текста? [...] Нужно считать роботов тем, что они действительно собой представляют, чтобы не принимать людей за то, чем они не являются, то есть избегать превращения вежливости в автоматический, стандартный, постоянный рефлекс, ведь вся ценность вежливости – в ее искренности» (с. 60).

Здесь, как представляется, мы имеем дело с одним из тех тезисов Кёнига, с которыми трудно согласиться. Чего, собственно, опасается французский философ? Ему кажется, что «машинная вежливость» приучит его сопереживать роботу, как это случается у детей, играющих с «Союзом». Его ужасает, что бездушная машина, обтянутая силиконом и пластиком, способна вызвать у человека эмпатию, и потому он призывает людей не церемониться с голосовыми ассистентами. Однако контраргументы в данном случае напрашиваются сами собой. Во-первых, как будут чувствовать себя люди, чьим обобщенным голосом общается с нами ассистент, если все вокруг вдруг перестанут соблюдать элементарные нормы и действительно начнут относиться к ИИ, как к холодильнику или микроволновке? Не стоит ли вновь напомнить, что за одним алгоритмом могут стоять тысячи людей, маркирующих для него изображения и тексты или делящих с ним один голос? Во-вторых, не покалечит ли человеческую психику нужда постоянно диверсифицировать поведение в отношении реальных людей и ассистентов-по-

мощников, созданных на основе ИИ, – при условии, что и те и другие умеют общаться человеческим голосом и воспроизводить порой одни и те же коммуникационные паттерны? Ведь конструкторы-разработчики нарочито стараются создавать роботов по образу человека или животного – с ногами, руками, глазами, ртом. Одно дело, когда ИИ начинают использовать в качестве субститута собеседника, друга, возлюбленного – такое, конечно же, никак не полезно. Но совсем другое дело, когда мы говорим голосовому помощнику «спасибо» просто потому, что вежливость ценна сама по себе.

СОФИЯ ВЕРЕТЕННИКОВА
ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА
НЕ СУЩЕСТВУЕТ?

**Опасность ИИ состоит в том, что он предлагает
частный комфорт и индивидуальный подход
в обмен на принятие нами предлагаемых машиной
универсальных правил и норм.**

А вот в чем с Кёнигом трудно не согласиться, так это в том, что нам срочно нужно разобраться в механизмах влияния на наши жизни всевозможных «бытовых» алгоритмов, подобных поисковым системам, видеохостингам, социальным сетям и так далее. По мнению философа, опасность ИИ состоит в том, что он предлагает частный комфорт и индивидуальный подход в обмен на принятие нами предлагаемых машиной универсальных правил и норм. Иначе говоря, ИИ предоставляет возможность получить, казалось бы, полностью персонализированные и адаптированные под нас решения – однако на сами критерии этой персонализации мы повлиять не в состоянии. В итоге в сознании человека сохраняется иллюзия выбора, но в реальности права на выбор нет: за него выбирает машина. Например, согласно одному из специалистов, с которым автору удалось пообщаться, задача американских поисковых систем заключается в том, чтобы «поднять» не ту информацию, которую человек хотел бы просмотреть, а ту, которую он «на самом деле» ищет (с. 263). В этом случае работает логика, определяемая автором словом *nudge* (англ. – подталкивание), призванная обеспечивать наше благосостояние посредством выдвижения «удобных» вариантов, которых мы сами скорее всего и не выбрали бы.

Этот феномен подробно описывается в главе «Принцип турникета». Его смысл заключается в том, что, подобно турникетам на выставке «Rain Room» в Шардже, активируемым опционально, рекомендации поисковых систем ни к чему пользователя не обязывают. Системы лишь предлагают, и если человек заинтересуется, то он делает выбор в пользу ИИ. Иногда, следуя таким

курсом, он со временем полностью делегирует право выбора машине, не подвергая полученных ею результатов критическому анализу – просто потому, что так удобно. Но это означает полнейший крах либерального ценностного свода, в рамках которого качество жизни любого человека является результатом прежде всего его собственных волевых решений. Особенную опасность *nudge* представляет для детей, которые проводят в интернете по несколько часов в день. Но, чем дольше человек общается с ИИ, тем лучше алгоритмы узнают его интересы и тем более удачные рекомендации они ему выдают – привязывая к себе. Учитывая сказанное, мы начинаем понимать, почему Стив Джобс не позволял своим детям бесконтрольно пользоваться гаджетами.

Гаспар Кёниг представляет читателю восемь последствий развития ИИ, которые ставят под угрозу либеральные ценности. В книге они именуются так: искусство без художника; наука без причинности; экономика без рынка; правосудие без виновных; общество без предрассудков; права без демократии; философия без субъекта; теология без бога. Перечисленными недугами, однако, дело не ограничивается, поскольку ИИ беспрестанно наращивает свою экспансию, ставя все новые проблемы. Характерно, к примеру, следующее авторское наблюдение, включенное в главу «Геополитика ИИ»:

«Когда [социальная сеть] применяет свои собственные критерии определения приемлемого контента, она становится главным регулятором свободы слова, попирая тем самым американскую Первую поправку или французский закон 1881 года» (с. 209).

Столь же показателен и запутанный вопрос о том, можно ли наделять ИИ правосубъектностью в тех случаях, когда из-за него нарушается закон:

«Значит ли, что создатель программы ИИ станет ответственным с того самого момента, когда ее пользователь перестает отвечать за свои действия? Нет, если считать, что алгоритм работает с определенной долей автономии. Как обвинить программиста в решении, не запрограммированном им напрямую, если происходило машинное обучение, условия для возможности которого он, однако же, создал?» (с. 192).

Наконец, серьезно усложняет ситуацию и всемирная конкуренция за подчинение ИИ. Скажем, пока европейцы тщетно бьются за свое право на индивидуальную автономию, китайские фирмы наращивают производство комфортных *nudge*-сервисов и экспортируют их за пределы своей страны, захватывая тем самым всю планету. Или, пока либералов заботит сохранность их персональных данных и ужасает перспектива

обращения человечества в однородную массу, живущую по рекомендациям ИИ (ибо лень лишний раз напрягать свой мозг), американские цифровые гиганты монополизируют информационное пространство – и большинству уже трудно представить свою жизнь без календаря, почты, «облака» и возможности редактировать документы прямо в нем, а не таскаться на работу с кучей съемных накопителей в рюкзаке.

Между тем разница между китайским и американским подходами лишь в том, чьи конкретно данные будут предлагаться программе и по чьим идеологическим параметрам будет настраиваться *nudge*: ведь «даже если допустить, что алгоритм был создан в совершенно нейтральном режиме и тренировался на бесспорных выборках, он не может не воспроизводить и не закреплять предубеждения самого американского [или китайского. – С. В.] общества» (с. 197). Причина, по которой это раздражает французского философа, вполне понятна. Сегодня на рынке ИИ всерьез конкурируют только две державы и среди них нет ни одной европейской⁶ – следовательно, за постулаты классического либерализма и заступиться, собственно, некому.

Так или иначе, убежден Кёниг, мир катится к цифровому коммунизму; но если Китай идет к этой цели осознанно, то США, издавна тонувшие в протестантском морализаторстве, сейчас вынужденно делают выбор в пользу утилитаризма лишь для того, чтобы оставаться конкурентноспособными. (Соединенные Штаты, по язвительному замечанию автора, на ходу меняют христианство на буддизм, больше соответствующий логике *nudge*.) Страны ЕС, к авторскому сожалению, на этот процесс повлиять не в силах. Возможно, и в нынешней России у французского философа тоже найдутся сторонники, недовольные двойственной американско-китайской монополией в сфере ИИ, но это не изменит того факта, что отечественным разработкам до лидерских позиций еще очень и очень далеко. Впрочем, замечу от себя, прежде, чем меряться ИИ-потенциалом, неплохо было бы ответить на вопрос: способен ли вообще современный человек, будь то в США, КНР или РФ, во всей полноте оценить столь дорогое для Кёнига право свободного распоряжения своими персональными данными? И если да, то почему он до сих пор продолжает активно и добровольно делиться ими на безвозмездной основе, причем в каждой из трех упомянутых локаций?

Размышляя над этим, уместно будет напомнить, что история информатики и выросшего из нее искусственного ин-

СОФИЯ ВЕРЕТЕННИКОВА
ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА
НЕ СУЩЕСТВУЕТ?

6 Подробнее о геополитическом измерении ИИ см.: NDZENDZE B., MARWALA T. *Artificial Intelligence and International Relations Theories*. Singapore: Palgrave Macmillan, 2023. [См. также рецензию на эту книгу, опубликованную в «НЗ»: Фролова Ю. *Искусственный интеллект и международные отношения* // Неприкосновенный запас. 2024. № 3. С. 228–232. – Примеч. ред.]

теллекта начинаются где-то под занавес первой половины XX века. Их породила Вторая мировая война, в ходе которой вычислительную технику начали применять для шифрования военной информации. Гаспару Кёнигу было двадцать лет, когда Джону Маккарти, придумавшему термин «искусственный интеллект», исполнилось 75; сама дисциплина официально возникла в 1956 году, то есть всего за четверть века до рождения французского философа. В свою очередь Алан Тьюринг умер за 28 лет до рождения автора, а Клоду Шеннону в день появления Гаспара на свет уже исполнилось 66 лет. Подобная ретроспекция помогает осознать, что ученые-первопроходцы, относительно недавно приступившие к разработке цифровых технологий, нисколько не заботились ни о праве человека на тайну частной жизни, ни об этических нормах информационных обменов. После войны, не желая потерять накопленные знания, специалисты начали трансформировать военные изобретения в гражданские наработки. Да, этот процесс привел к неожиданным последствиям и потребовал реформ, однако кричать «караул!» было не слишком уместно, ибо тогдашняя ситуация весьма походила на нынешнюю в принципиальном отношении: ИИ с самого начала рассматривался как *инструментально-прикладной ресурс*.

В этом аспекте его можно сравнить с ядерной бомбой, военно-морским флотом или космическим кораблем. Если его развитие экономически (и стратегически) целесообразно, то оно будет продолжаться. А раз так, то требование законодательно запретить использование того, чем человек делится самостоятельно и добровольно, представляется абсурдным. Да, просвещать людей относительно последствий применения тех или иных технологий столь же необходимо, как и учить правильно пользоваться бытовыми электроприборами. Но если в итоге люди сознательно разбрасывают свои персональные данные направо и налево, то это скорее проблема не социума, а индивида – тем более, что либеральный этос наряду с личными правами предполагает и наличие персональной ответственности за собственную жизнь.

В последней главе книги Кёниг рекомендует на международном уровне принять закон, который дал бы право пользователям различных онлайн-платформ самостоятельно и напрямую управлять своими персональными данными, решая, к какой информации о своем поведении открывать доступ в сети, а к какой – нет. По замыслу философа, полезной была бы тарификация использования персональных данных, которую каждый пользователь мог бы настраивать в индивидуальном порядке: одни смогут получать плату за предоставление своих данных для свободного анализа, а другие, наоборот, сами будут платить

за их сокрытие (с. 321, 327). Кроме того, полагает он, за пользователем стоило бы зарезервировать и возможность в критический момент взять на себя принятие морально значимого решения: например, в опасной ситуации дать команду автомобилю, пилотируемому роботом, спасти водителя или же, напротив, пешехода. Разумеется, решения будут приниматься разные, но человек тогда сможет лично отвечать за свой выбор, а алгоритмы не придется признавать юридическими лицами, чтобы не вешать правовую ответственность на их разработчиков.

Возможно, доля истины в этих рассуждениях и есть, но лично мне подобная законодательная инициатива кажется абсурдной. Во-первых, если индивид хочет отвечать за свою жизнь целиком и полностью, не передоверяя ее алгоритму, то нужно ли пользоваться автомобилем, который находится под контролем робота? Не выглядит ли это как попытка здорового прикинуться больным? Во-вторых, желание принудить веб-платформы принимать политику конфиденциальности, исходящую от пользователей, а не наоборот, выглядит хотя и заманчиво, но не вполне справедливо. И если так уж хочется побороться за свои права, то, возможно, стоит приложить какие-то усилия и разработать собственную веб-платформу, а то и целую онлайн-экосистему наподобие «Google»? Тогда можно будет гарантировать, что европейцы уйдут от «новых феодалов» и перестанут ощущать себя «цифровыми крепостными» (с. 325). В этой связи Кёниг безусловно прав, отмечая, что «сегодня экран нашего компьютера напоминает дом без двери, превратившийся в проходной двор: как создавать какое-либо частное пространство, как принимать какое-нибудь осмысленное решение в этой постоянной толчее, где на нас все смотрят?» (с. 326). Похоже, гиперперсонализация поисковой выдачи вскружила (технически оснащенному) человечеству голову: люди забыли, что интернет есть такое же публичное место, как столовая, электричка или театр.

СОФИЯ ВЕРЕТЕННИКОВА
ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА
НЕ СУЩЕСТВУЕТ?

Если индивид хочет отвечать за свою жизнь целиком и полностью, не передоверяя ее алгоритму, то нужно ли пользоваться автомобилем, который находится под контролем робота?

Подобно тому, как продавщица цветочного магазина знает предпочтения своих постоянных покупателей, поисковая выдача фиксирует и запоминает наши запросы. В этой связи рекомендуемая автором блокировка *nudge* похожа на отказ от продуктового магазина в шаговой доступности, который, конечно, удобен, но смущает тем, что продавцы запомнят ваши

вкусы, проанализируют ваши предпочтения и закупают только то, что лично вам нравится. Такая линия поведения не в ладу со здравым смыслом. Конечно, действовать в социальных сетях нужно с умом, поскольку это все равно что ходить по улице у всех на виду. Но даже если твоя страна в чем-то неконкурентоспособна, то это едва ли повод перекраивать все международное законодательство под себя. Вероятно, вместо этого, стоило бы попытаться понять, как укрепить свои позиции в нынешнем «дивном новом мире», где «онлайн» превратился из статуса в социальной сети в самый настоящий образ жизни. И пусть одни называют это цифровым эскапизмом, другие – величайшим триумфом человеческого гения, а третьи, подобно автору книги, впадают в ужас от возможных последствий новшеств, факт остается фактом: граница между виртуальной и реальной жизнью давно стерлась. Если раньше мы, просыпаясь, выглядывали в окно, чтобы узнать, что происходит в мире, то теперь просто включаем компьютер и ждем, пока запустится «Windows». И, хотя все алгоритмы заточены под наши персональные интересы и потребности, конфиденциальность гарантируется нам не на наших, а на чужих условиях.

Но может ли быть иначе? Время, когда интернет провозглашался «пространством свободы», а вседозволенность на его просторах была обыденностью, прошло и больше не вернется. А Гаспару Кёнигу, таинственному и вдумчивому философу, отдельное спасибо за то, что ярко и вызывающе напомнил нам об этом – а также о том, что явление ИИ скорее всего переоценено.